

А. А. Дмитриевский

**Богослужение в Русской
Церкви за первые пять веков**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

А11 **А. А. Дмитриевский**
Богослужение в Русской Церкви за первые пять веков / А. А. Дмитриевский –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 230 с.

ISBN 978-5-458-46748-3

Богослужение в Русской Церкви за первые пять веков. Православный собеседник. Издание Казанской духовной академии.

ISBN 978-5-458-46748-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ніа въ XIII вѣкѣ, но всѣ они почему-то не удостоились вниманія нашего литургиста. Ему неизвѣстны: XXIV книга изданія „Общества любителей древней письменности“, въ которой изданы чины постриженій и погребенія монашескаго по рукописи XIII—XIV вв.; книга архимандрита Амфилохія „Описаніе рукописей московскаго Воскресенскаго монастыря“ и чинъ брака по рукописи XIII вѣка бібліотеки Кирилло-бѣлозерскаго монастыря, рукописями которой исключительно онъ пользовался.

Три листка древне-славянскаго служебника, писанные глаголицею, вывезенные изъ Синая — два преосвященнымъ Порфиріемъ Успенскимъ, а третій Н. П. Крыловымъ, діакономъ петербургской Михаило-архангельской церкви въ 1853 г. и три раза изданные въ свѣтъ (И. И. Срезневскимъ въ Запискахъ Импер. акад. наукъ кн. 4 за 1863 г.; имъ же и за тотъ же годъ въ Извѣст. Импер. арх. общ. т. 4, вып. 6 и самимъ преосвященнымъ Порфиріемъ въ Трудахъ кievской дух. ак. 1877 г. кн. 10) объяснили бы нашему автору весьма интересные моменты въ чинѣ нашей литургіи, надъ уясненіемъ происхожденія которыхъ онъ немало потрудился, прибѣгая къ напраснымъ разглагольствованіямъ. Еще большую бы услугу для уясненія особенностей всего чина нашей древней литургіи могъ оказать ему чинъ литургіи Евѳимія, патріарха тырновскаго, который изданъ сербскимъ ученымъ дружествомъ въ его журналѣ „Гласник“ за 1869 г. кн. 8. Съ незначительными сокращеніями этотъ чинъ изданъ въ книгѣ преосвященнаго Порфирія „Второе путешествіе по святой горѣ Аѳонской 1880 г. (1)“. Какъ воспитанникъ Петербургской

(1) Отсутствие всякихъ указаній на сочиненія преосвященнаго Порфирія Успенскаго заставляютъ насъ думать, что авторъ совершенно не знакомъ съ трудами этого почтеннаго оріенталиста. Между тѣмъ, на нашъ взглядъ, историкъ богослуженія въ нашей церкви едва ли останется въ накладѣ, если онъ проштудируетъ всѣ сочиненія этого ученаго.

академіи, г. Одинцовъ могъ бы познакомиться съ этимъ чиномъ и по фотографическому снимку съ него, слѣланному извѣстнымъ палеографомъ г. Севастьяновымъ. Этотъ снимокъ хранится въ Императорской публичной библіотекѣ. Можно смѣло сказать, что незнакомство съ этими богослужебными памятниками рекомендуютъ трудъ нашего автора съ невыгодной для него стороны.

Въ отдѣлѣ пособій мы не нашли указаній на сочиненіе, авторомъ котораго молва называетъ покойнаго А. В. Горскаго: „Преждеосвященная литургія“ (Москва 1850 г.), на книгу о томъ же Малиновскаго (Спб. 1850 г.), на труды И. И. Срезневскаго „Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ древней письменности“ и профессора Кіевской духовной академіи Воронова: „Кириллъ и Меѳодій. Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія“. Послѣднія двѣ книги могли бы быть цѣннымъ пособіемъ для исторіи перевода богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ. Что же касается тѣхъ пособій, которыя перечислены авторомъ (стр. 9), то, на нашъ взглядъ, сочиненіе его въ научномъ отношеніи выиграло бы много, если бы онъ оставилъ нѣкоторыя изъ нихъ безъ всякаго вниманія. Статья Катанскаго „Очеркъ исторіи литературы по литургіи Іоанна Златоуста“ (Христ. Чтен. 1868 г. кн. IX—X) принесла нашему автору болѣе вреда, чѣмъ пользы. Она написана по другому поводу и для г. Одинцова, изучающаго исторію богослуженія въ Русской церкви, не имѣетъ ровно никакого значенія, потому что въ той части ея, гдѣ А. Катанскій слѣдитъ судьбу чина литургіи въ нашей церкви, статья эта переходитъ въ летучую журнальную замѣтку, въ которой повторяются обыкновенныя ходячія мнѣнія касательно разнообразія списковъ этого чина въ нашихъ рукописныхъ богослужебныхъ книгахъ. Между тѣмъ все сказанное здѣсь г. Катанскимъ къ сожалѣнію цѣликомъ легло въ основу всего сочи-

ненія г. Одинцова. Увлечение выводами Катанскаго заставило нашего автора часто, вопреки очевидной истинѣ, подтасовывать факты. Труды архимандрита Сергія и іеромонаха Филарета можно и слѣдуетъ пользоваться, но съ осторожностію. Особенно это нужно сказать о трудахъ послѣдняго. Іеромонахъ Филаретъ хороше, какъ собиратель литургическаго матеріала по цѣннымъ и рѣдкимъ памятникамъ, но его полемическія тенденціи, проходящія чрезъ все его труды, какъ лишенная научныхъ опоръ, должны быть оставлены безъ вниманія безпристрастнымъ историкомъ. Нельзя сказать, чтобы и книга о. архимандрита Сергія „Полный мѣсяцесловъ востока“ была чужда недостатковъ: его мысли напр. о первоначальномъ славяно-русскомъ типикѣ положительно ошибочны. А между тѣмъ нашъ авторъ все, что находилъ въ этой книгѣ для себя полезнаго, цѣликомъ вносилъ въ свой трудъ. Но самымъ важнымъ недостаткомъ разбираемаго нами труда нужно признать незнакомство нашего автора съ рукописными греческими и юго-славянскими богослужебными книгами. Повидимому и ему не было чуждо сознаніе важности и необходимости знакомства съ первоисточниками нашего богослуженія. „Принявъ христіанскую вѣру и богослуженіе, пишетъ г. Одинцовъ почти въ самомъ началѣ своей книги, въ выработанныхъ и опредѣленныхъ формахъ отъ церкви греческой и въ дальнѣйшей исторической жизни своей находясь въ постоянной зависимости отъ нея, какъ духовная дочь отъ своей духовной матери, церковь русская совершенно естественно должна была въ порядкѣ своего богослуженія отражать это непрерывное вліяніе церкви греческой“ (стр. 3). Итакъ, какъ нельзя болѣе ясно, что самый вѣрный и надежный путь къ объясненію той „картины непрерывныхъ измѣненій“, какую представляетъ „богослужебный порядокъ въ древней Россіи на пространствѣ отъ конца X до XV вѣка включительно“, и по словамъ нашего автора долженъ состоять въ непосред-

ственномъ знакомствѣ съ тѣми богослужебными памятниками, подѣ влияніемъ которыхъ совершались эти измѣненія. Но онъ считаетъ это для себя дѣломъ великой трудности, а въ настоящее время едвали даже возможнымъ, потому что, какъ онъ выражается „мы не имѣемъ непрерывно-послѣдовательнаго ряда памятниковъ богослужебныхъ книгъ церкви греческой и церквей южно-славянскихъ“. Согласимся, что это такъ, хотя и увидимъ ниже, что онъ преувеличиваетъ дѣло. Слѣдуетъ ли отсюда, что мы должны игнорировать вовсе рукописные памятники церкви греческой и юго-славянскихъ и обратиться за разрѣшеніемъ многихъ вопросовъ, касающихся богослужебныхъ особенностей, къ другимъ источникамъ? Правы ли мы будемъ, если вмѣстѣ съ авторомъ, причины непрерывнаго ряда измѣненій въ нашемъ богослуженіи станемъ искать только: а) въ отсутствіи надъ нимъ контроля народа (стр. 297), б) въ произволѣ русскихъ писцовъ (стр. 299), в) во влияніи на наше богослуженіе практики церкви латинской (*ibid.*)? Не ближе ли было бы къ дѣлу, если бы авторъ оставилъ свою погоню за „непрерывно-послѣдовательнымъ рядомъ памятниковъ богослужебныхъ книгъ церкви греческой и церквей юго-славянскихъ“, а при своемъ „личномъ ознакомленіи“ съ московскими и петербургскими книгохранилищами, прорштудировалъ бы и „ничтожные въ своемъ числѣ памятники“, которые имѣются здѣсь въ наличности? Мы увѣрены, что и этихъ памятниковъ было бы достаточно, чтобы убѣдиться въ полной неосновательности тѣхъ причинъ разнообразія въ богослужебныхъ чинахъ, какія онъ выставилъ въ своемъ трудѣ:

Въ самомъ дѣлѣ, мы уже не будемъ говорить объ отсутствіи контроля со стороны народа надъ богослуженіемъ, какъ о причинѣ всевозможныхъ въ немъ измѣненій. Но и другая причина разнообразія древнерусскихъ богослужебныхъ чиновъ,—причина, которая указывается почти всею полемическою литературою—

именно произволь русскихъ писцовъ—едвали безъ натяжекъ можетъ быть оправдана фактами исторіи. Писцы нашей древней Руси смотрѣли на переписку богослужбныхъ книгъ, какъ на дѣло богоугодное, святое, а поэтому относились къ нему съ крайне тщательною осторожностію и благоговѣйнымъ вниманіемъ, опасаясь, чтобы „не приложить или отложить едино нѣкое слово, или тычку едину, или крючки, иже суть подъ строками въ рядѣхъ, ниже премѣнити слогию нѣкоторую... или паки отложить ни въ діаконствахъ, ниже въ возглашеніяхъ ни въ молитвахъ“ и чрезъ это „не впасть въ грѣхъ“. Свои невольныя погрѣшности и отступленія они оправдывали „худоуміемъ“ и искупали ихъ слезнымъ моленіемъ о прощеніи имъ „грубости писанія“. „Отцы святіи, братія о Христѣ, читаемъ мы въ послѣсловіи типика св. Варсонофія, проходяще книгу сію, не пореците, Бога ради, тягести на душу мою, аще и неудобреніе зрите и погрѣшенія многа обрѣтающе, Господа ради, исправливая чтите“ (ркп. Спасск. казанск. мон. л. 531 об.—532). Отцы и братія, умоляетъ своихъ читателей писецъ другаго памятника, иже ся гдѣ будемъ описали, или переписали, или недописали, чтите исправливая, Бога дѣля, а не клените, занеже книги ветшаны, а умъ молодъ недопель (Опис. ркп. Троиц. - Сергіев. лавры, введеніе стр. XIV). Кажется, достаточно ясно, что отъ такихъ писцовъ ждаты авторской самостоятельности, которая бы могла выразиться въ составленіи особыхъ молитвъ, молитвенныхъ возгласовъ и богослужбныхъ обрядовъ едвали возможно.

„Кромѣ указанныхъ, былъ еще одинъ источникъ, пишетъ г. Одинцовъ въ своей книгѣ, изъ котораго отъ времени до времени продолжали входить въ русское богослуженіе разныя особенности. Источникъ эготъ — богослужбная практика церкви латинской, имѣвшая вліяніе на русское богослуженіе исключительно въ западныхъ окраинахъ тогдашней Россіи—областяхъ новгородской и псковской“ (стр. 4). Мы

совершенно согласны, что вліяніе латинской церкви въ названныхъ областяхъ было — этого отрицать нельзя. Объ этомъ, ясно свидѣлствуютъ акты владимірскаго собора и грамоты митрополитовъ Кипріяна и Фотія (Русск. истор. библ. 1880 г. т. VI). Но тутъ невольно сами собою напрашиваются вопросы: какъ велика была степень этого вліянія? какъ далеко оно простиралось? не было ли иныхъ путей этого вліянія, кромѣ указаннаго нашимъ авторомъ? Отъ правильного рѣшенія этихъ вопросовъ и зависитъ главнымъ образомъ признаніе дѣйствительности той причины, на которую указываетъ г. Одинцовъ, или отрицаніе ея.

Что авторъ нашъ не вполне ясно представляетъ себѣ степень вліянія практики латинской церкви на богослужебную практику церкви древней Руси — въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Въ началѣ своей книги во введеніи г. Одинцовъ пишетъ: „Источники богослуженія церкви латинской дошли до насъ въ довольно большомъ количествѣ; но самое вліяніе практики латинской церкви на наше богослуженіе было ничтожно“ (стр. 6). Въ срединѣ почти книги, по другому поводу, замѣчаетъ: „употребленіе ея (т. е. повязки) въ церкви русской и главнымъ образомъ въ области новгородской въ разсматриваемое нами время (XII в.) подтверждается тѣмъ соображеніемъ, что эта область, судя по указаннымъ и дальнѣйшимъ фактамъ была *центромъ вліянія церкви латинской* на церковь русскую въ богослужебномъ отношеніи“ (стр. 81). А въ концѣ — въ заключеніи, читаемъ: *не мало* также *способствовало разнообразію* русскаго богослуженія, только, впрочемъ, въ западныхъ областяхъ древней Россіи, *вліяніе практики церкви латинской*“ (стр. 299). Ясно, что авторъ знаетъ о вліяніи латинской богослужебной практики на нашу, но не выяснилъ себѣ хорошо степень этого вліянія, а поэтому противорѣчить самому себѣ. Совсѣмъ иное дѣло, по нашему мнѣнію, сказать, что „вліяніе это было *ничтожно*“ и

сказать, что „новгородская область была *центромъ* вліянія“ и наконецъ, что вліяніе это было „*немало*“. Но за всё́мъ тѣмъ, все-таки ясно, что онъ не считаетъ это вліяніе *ничтожнымъ*, какъ выразился самъ въ началѣ своей книги, а наоборотъ думаетъ, что это вліяніе было довольно значительно. Намъ кажется, что такое его предположеніе едва ли можетъ быть оправдано фактами исторіи. При той взаимной неприязни, доходившей положительно до открытой вражды и брезгливаго отношенія, какимъ были проникнуты наши предки къ латинянамъ (см. Историко-литератур. обзоръ древне-русск. полемическихъ сочиненій противъ латинянъ А. Н. Попова. М. 1875 и Критич. опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ А. Ст. Павлова. Спб. 1878 г.) точекъ соприкосновенія у насъ съ латинянами было очень мало, а поэтому и вліянія ихъ богослужебной практики на практику нашей церкви непосредственно быть не могло. Даже Псковъ и Новгородъ, „находившіяся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ западною Европою“ едва ли могли представлять удобную почву для подобныхъ вліяній въ тотъ періодъ времени, какой обнимаетъ книга нашего автора. Всякій разъ лишь только замѣчались въ этихъ областяхъ отступленія отъ господствующей практики, какъ тотчасъ же, благодаря бдительности русскихъ митрополитовъ, они прекращались или соборнымъ опредѣленіемъ, или грамотами митрополитовъ, спеціально адресованными къ духовенству этихъ областей. Тѣмъ болѣе латинская практика не могла проникать въ богослужебную практику другихъ областей, удаленныхъ отъ Пскова и Новгорода. А между тѣмъ весьма многія изъ тѣхъ особенностей, какія нашъ авторъ пытается объяснить вліяніемъ латинства, имѣются въ богослужебныхъ памятникахъ Соловецкаго монастыря, рязанскихъ, южно-русскихъ, даже московскихъ и друг. Слѣдовательно, появленіе этихъ особенностей въ богослужебныхъ памятникахъ этихъ областей нужно объяснить чѣмъ-

нибудь инымъ, помимо непосредственнаго вліянія латинства. Для уясненія этихъ особенностей нашего древне-русскаго богослуженія, мы обратимся непосредственно къ его первоисточникамъ, — рукописямъ греческимъ и юго-славянскимъ, полную зависимость отъ которыхъ нашихъ богослужебныхъ книгъ не отрицаетъ и г. Одинцовъ (стр. 3). Только такимъ путемъ и можно будетъ правильно рѣшить все вопросы, касающіеся нашего богослуженія.

Смущаться нечего тѣмъ обстоятельствомъ, что богослужебные обряды древне-русской церкви, аналогичные съ практикою церкви латинской, мы рекомендуемъ объяснять восточными памятниками. Этотъ путь вліянія оправдывается и фактами исторіи и самими богослужебными памятниками. Известно, что Византія нѣкогда была столицею латинской имперіи, основанной западными крестоносцами, которые имѣли прямое порученіе отъ папы обратить всехъ грековъ въ католичество. Образъ дѣйствія самого императора и папы по отношенію къ греко-восточной церкви выясненъ кажется довольно обстоятельно (Мелетій Пигасъ, патріархъ александрійскій и его участіе въ дѣлахъ русской церкви). Быть не можетъ, чтобы эти прописки папы прошли безслѣдно для чистоты восточнаго богослуженія. Кромѣ этого, былъ и другой путь вліянія на греческую богослужебную практику церкви латинской. Многіе греки, какъ известно, по завоеваніи турками Византіи, удалились на западъ и на Калабрійскомъ полуостровѣ основали греческія поселенія. Сюда еще болѣе прибыло грековъ послѣ окончательнаго паденія Византійской имперіи въ 1453 году. Церкви греческія Калабрійскаго полуострова приплы въ близкія столкновенія съ латинянами и подпали нѣкоторому вліянію папъ. Послѣдніе считали себя вправѣ вмѣшиваться даже во внутреннюю жизнь этихъ греческихъ церквей и адресовали къ нимъ свои буллы съ прямыми требованіями дѣлать тѣ или другія измѣненія въ богослужебномъ строѣ. Такимъ-то путемъ

явились въ богослужебныхъ книгахъ калабрійскихъ грековъ службы въ честь святыхъ, чтимыхъ западною церковію (арх. Сергій. Полный мѣсяцъ востока, ч. I, стр. 150, 151) и многіе обычаи, свойственные богослужебной практикѣ западной церкви. Отсюда съ запада эти особенности богослужебныхъ памятниковъ попадали въ Византію и затѣмъ уже къ намъ на Русь чрезъ греческія богослужебныя книги. Такой *посредственный* путь вліянія латинской богослужебной практики на нашу весьма возможенъ и отрицать его нѣтъ никакихъ основаній. Что же касается того пути вліянія латинской богослужебной практики на практику церкви греческой, который мы указали сейчасъ, то его не отрицаетъ и одинъ изъ извѣстныхъ своею добросовѣстностію знатоковъ восточнаго богослуженія Іаковъ Гоаръ (*Еυχолоу. pag. 339, not. 9*).

Наконецъ, сходство богослужебныхъ обрядовъ и обычаевъ церквей восточной и западной можно объяснить появленіемъ ихъ въ практикѣ задолго до раздѣленія церквей. Отсюда является настоящая необходимость для историка православнаго богослуженія вообще и богослуженія въ нашей церкви въ частности, помимо непосредственнаго знакомства съ богослужебными книгами, серьезно изучать святоотеческую литературу и по преимуществу творенія тѣхъ отцовъ церкви, которые касались вопросовъ о богослуженіи.

Послѣ всего того, что мы высказали о первоисточникахъ нашего богослуженія и о причинахъ разнообразія въ немъ, кажется, ясно становится, что тотъ методъ изслѣдованія, какимъ пользовался нашъ авторъ, когда писалъ свое сочиненіе оказывается непригоднымъ для историка богослуженія въ нашей церкви. Этотъ методъ, названный нашимъ авторомъ *сравнительнымъ*, былъ бы полезенъ и могъ бы привести его къ очень пѣннымъ и поучительнымъ результатамъ въ томъ только случаѣ, если бы напередъ были изучены первоисточники нашего богослуженія. Безъ

этого же условія методъ сравнительный приводитъ лишь къ напраснымъ, хотя и обильнымъ разсужденіямъ, неосновательнымъ гипотезамъ и прямо ложнымъ заключеніямъ и выводамъ. Все это имѣется въ значительной мѣрѣ въ разбираемомъ нами трудѣ г. Одинцова. Слѣдовательно единственно надежный, вполне научный и самый богатый по своимъ результатамъ, при нынѣшнемъ состояніи изученія первоисточниковъ нашего богослуженія, остается методъ изслѣдованія, названный нашимъ авторомъ *генетическимъ* и оставленный имъ по причинѣ его трудности. Этотъ методъ приводитъ прямо къ рѣшенію весьма интереснаго и самаго существеннаго вопроса во всей исторіи нашего богослуженія: находятъ ли для себя оправданіе особенности нашихъ богослужебныхъ книгъ въ памятникахъ церкви греческой и церковей юго-славянскихъ, или же были тому какія нибудь другія причины? Мы согласны, что этотъ методъ не лишенъ трудностей, такъ какъ отъ того, кто рѣшился бы писать исторію нашего богослуженія этимъ методомъ, потребовался бы усидчивый, кропотливый и напряженный трудъ не одного года, а нѣсколькихъ, тогда какъ тоже самое можно сдѣлать гораздо легче съ первымъ методомъ—сравнительнымъ. Г. Одинцовъ избралъ путь легкій и скорый, но далеко не безвредный для него...

Трудности метода генетическаго нашъ авторъ объясняетъ, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что богослужебные памятники греческой церкви очень скудны „и извѣстны намъ только по тѣмъ спискамъ полныхъ чинопоследованій, которыя изданы Гоаромъ въ его *Ευχολογιον-τ'*“, а богослужебные памятники земель юго-славянскихъ ничтожны въ своемъ числѣ и притомъ настолько позднѣйшаго времени, что по нимъ возможно опредѣлить появленіе только нѣкоторыхъ особенностей въ нашемъ богослуженіи“. Мы уже замѣтили выше, что во рѣчахъ этихъ оправданіяхъ нашего автора видно преувеличеніе, скрытая боязнь